

Возвращение Мастера

Вправе ли балет обращаться к литературе? Казалось бы, утвердительный ответ на этот вопрос давно дан хореографами разных стран. И тем не менее голоса скептиков раздаются вновь и вновь. Хореографы вменяют в вину то, что, «замахнувшись» на слово, она, не будучи в силах конкурировать с литературным первоисточником, его дискредитирует. Что ж, к сожалению, есть примеры, когда именно так и происходит — перевод на язык пластики произведения литературы едва ли не труднейшая задача для балетмейстера, и далеко не каждому дано с ней справиться. Но в конце концов о возможностях того или иного вида искусства судят по его достижениям.

Балет А. Петрова «Мастер и Маргарита» в постановке Б. Эйфмана — одна из интереснейших последних премьер. В какой степени хореографическая фантазия на темы романа М. Булгакова (так указано в программке) «перекликается» с самой книгой? Если вы поставите своей целью отыскать Азazelло, Бегемота, Варенуху, Лиходеева и т. д., то останетесь убеждены, что роман и его пластическая интерпретация не имеют между собой почти ничего общего. А между тем после просмотра возникает удивительное чувство, будто за тот час, что длилось сценическое действие, ты вновь перечитал любимые страницы, причем ни разу не возникло сомнения в подлинности и правомерности предложенного перевода. Так в чем же секрет?

Очевидно, в том, что темой спектакля становится главное, составляющее основу основ булгаковского «Мастера», — творчество, честное и вдохновенное (то самое, о котором крылатое воландовское «рукописи не горят»); любовь, ослепительная, жертвенная, вечная — не на этих ли двух началах держится мир? Не благодаря ли им совершенствуется человечество? И то, и другое требует мужества, и противостоит им трусость — «самый страшный порок». Роман прежде всего об этом. Об этом и спектакль Ленинградского театра современного балета.

Воланд, Мастер, Маргарита, Иешуа, Пилат — вот главные действующие лица хореографической версии, которая предстает как емкое, напряженное и «многослойное» повествование. Каждая ситуация, каждый образ, найденные постановщиком, узнаваемы, тональность же, атмосфера всего спектакля в целом точно соответствуют духу книги. Вообще,

представляется, что успех балета обусловлен прежде всего тем, что и композитор, и хореограф верно ощутили «нерв» романа.

В музыке Андрея Петрова бушуют контрасты: отдельные тематические «зерна» вырастают в «космическую» симфонию, в которой угадывается беспредельность пространства и времени; сатирические интонации сменяются трагической и возвышенной темой любви Мастера и Маргариты, драматизмом «поединка» Понтия и Иешуа. Борис Эйфман чутко «вслушивается» в музыку, и ни один ее нюанс не остается без пластической интерпретации — отсюда и та целостность, которая так привлекает в балете.

Стройность, внутренний динамизм спектакля достигаются и благодаря режиссерскому принципу, избранному Б. Эйфманом: он выстраивает действие, исходя из логики развития одного образа — образа Мастера. А потому каждая из тринадцати картин балета — будь то «Казнь бродячего философа», «Марш энтузиастов», «Проклятый бессмертием» или «Ударить по пилатине и тому богомузу» — так или иначе «завязана» на нем. То это ожившие страницы романа о Понтии Пилате, то глумление «критиков» над романом и травля Мастера, когда он сам вдруг начинает ассоциироваться с Иешуа... И как единое связующее звено между Мастером и его героями, между прошлым и будущим — Воланд, «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Чем талантливее спектакль, тем меньше хочется останавливаться на отдельных его составляющих. Тем не менее нельзя не сказать о лаконичности и внешней простоте пластического решения, предложенного Б. Эйфманом, о «пантомимической насыщенности» каждой партии, требующей от исполнителей незаурядного актерского мастерства, равно как и о различных режиссерских находках, например, великолепно обыгрываемых по ходу действия шестах: они то орудие казни в руках палачей Иешуа, то не менее губительное орудие духовного насилия, используемое «массолитовцами», то, наконец, некое фантастическое «транспортное средство», с помощью которого Маргарита облетает бал Воланда...

Словом, балет А. Петрова — Б. Эйфмана отличают профессионализм и искренность, которой нам сегодня подчас так не хватает.

Марина ЮРЬЕВА.